

УДК 316.343
DOI: 10.19181/snsp.2026.14.1.7
EDN: ZNUASJ

Краткая научная информация

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 1998–2024: ИТОГИ ОБСУЖДЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ МАССОВОГО ОПРОСА

Юлия Борисовна Епихина¹
Андрей Дмитриевич Старовойтенко²

^{1,2}Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

¹epikhina@gmail.com,

ORCID 0000-0003-2822-2505

²andstar14@gmail.com,

ORCID 0000-0002-1225-1822

Для цитирования: Епихина Ю. Б., Старовойтенко А. Д. Динамика социальной структуры постсоветского общества 1998–2024: итоги обсуждения результатов массового опроса // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 1. С. 151–160. DOI 10.19181/snsp.2026.14.1.7. EDN ZNUASJ.

Аннотация. Многолетние исследования социальной структуры сталкиваются с дилеммой сохранения эвристичности исходной программы и её трансформации под влиянием происходящих изменений. Применение многомерного подхода к анализу классовой структуры, трудовых отношений и пространственной мобильности позволило установить противоречивость и нелинейность влияния структурных позиций на ценности и жизненные стратегии. Обсуждение выявило методологические ограничения исследования, связанные с операционализацией понятий, измерительными инструментами и интерпретацией динамики показателей.

Ключевые слова: средний класс, социальная структура, проницаемость классовых границ, ценности, пространственная мобильность, профессиональная автономия, самостоятельность в труде, осмысленность труда, методология

Благодарности: материал подготовлен при поддержке РФФ (грант № 24-18-00450, сайт проекта <https://new-inequalities.tilda.ws/structure>, ТГ-канал <https://t.me/socstructure>).

В 2024 году коллективом сектора социальной мобильности Института социологии ФНИСЦ РАН был проведён онлайн-опрос (свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2026620062 Российская Федерация. «Социальные различия в современном российском обществе»: заявл. 16.12.2025: опубл. 13.01.2026 / М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина, И. П. Попова

© Епихина Ю. Б., 2026

© Старовойтенко А. Д., 2026

[и др.]; заявитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук. – EDN JUGYVD), который стал продолжением многолетнего исследования социальной структуры российского общества, начатого Э. О. Райтом в 1991 году в рамках сравнительного международного проекта по изучению классовой структуры и классового сознания [1]. В октябре 2025 г. состоялся семинар, в ходе которого обсуждались результаты четвертой волны исследования, представленные в докладах трёх тематических блоков: классовая структура и классовое сознание, изменения в сфере труда и занятости, а также пространственное измерение социальной структуры.

Классовая структура и классовое сознание

Исследования социальной структуры в ряде ключевых моментов опираются на понятие среднего класса, который стал символом перехода от феодальных отношений к капиталистическим и наступления эпохи модерна. Средний класс в докладе М. Ф. Черныша рассматривается как гетерогенная группа, включающая наряду с мелкими предпринимателями, чиновниками, высококвалифицированными специалистами интеллигенцию – социальную группу, способную, по словам К. Манхейма [2], к конструированию утопических проектов, новых социальных схем, становящихся ориентирами для современного общества. Как показал Н. Элиас, средний класс выполняет функцию движущей силы социального развития [3]. Таким образом, присутствие среднего класса в обществе определяется в двух измерениях: уровнем социального благополучия и распространённостью среднеклассовых ценностей. Первое измерение иллюстрируется на результатах типологии современных государств, построенной на основе показателей Всемирного банка по 59 странам. Для «общества среднего класса» характерно схождение таких показателей, как высокий уровень ВВП на душу населения, образования, свободы и социального благополучия вкупе с низким уровнем насилия и гендерного неравенства. Данные социологического опроса 2024 года свидетельствуют о широкой распространённости в обществе ценностей среднего класса: по всем основным показателям индивидуализма/коллективизма российская «интеллигенция» практически не отличается от общества в целом. Единственное отличие – отношение к труду, в котором более выражен приоритет содержания работы над денежным вознаграждением. Такой результат указывает на доминирование в российском обществе дискурса, в котором успех связывается в наибольшей степени с индивидуальными качествами и усилиями, нежели какими-либо другими аспектами социальной жизни. Таким образом, можно говорить о преобладании в России идеологии социального индивидуализма, которая дополняется запросом на интенсивную роль государства в жизни общества как ключевого гаранта (бесплатных) социальных благ – образования, медицины и т. д. Необходимо отметить противоречивость двух измерений: российское общество, не являясь «обществом среднего класса»

по измерению социального благополучия, демонстрирует приверженность среднеклассовым ценностям.

Проблематика проницаемости классовых границ была введена Э. О. Райтом для сближения марксистского и веберовского подходов к классовому анализу, что позволило исследовать трансформационный потенциал классовой структуры на микроуровне, не отказываясь от неомарксистского понятийного аппарата [1]. Проницаемость классовых границ, измеренная через классовую принадлежность супруга и близкого друга, была проанализирована Ю. Б. Епихиной. В качестве основания классификации была взята градация европейских социально-экономических групп (EsEG) [4], полученных на основе кодировки профессиональных занятий по ISCO-08 с учётом характеристик занятости.

Анализ выявил значительную классовую гетерогенность социального окружения, что свидетельствует о высокой проницаемости классовых границ: 65,7% респондентов имеют классово разнородное окружение, в то время как в классово однородной среде (супруг и близкий друг из того же класса) живёт менее 10% опрошенных. Однако для разных социальных взаимодействий характер проницаемости может быть различным: так, различие между ожидаемой и наблюдаемой классовой разнородностью в случае брака составляет 2,2%, в то время как для дружбы оно достигает 15%. Тяготение дружбы к классовой однородности (индекс эндогамии 33,5% против 20,8% для брака) стало неожиданным результатом: для соседних классов выше вероятность вступить в брак, чем поддерживать дружеские отношения. Классовые группы различаются по степени готовности к классово разнородным взаимодействиям. В брачных союзах наиболее «закрытой» классовой группой оказываются руководители, наиболее открытой – квалифицированные рабочие. Наименее охотно с представителями соседнего класса заключают браки представители среднетехнического персонала, в то время как взаимопроницаемость квалифицированных и неквалифицированных рабочих в заключении браков наиболее высока, что свидетельствует о фактическом отсутствии классовых границ. Важным выводом стало то, что наряду с высокой проницаемостью классовых границ наблюдается параллельный процесс классовой поляризации: верхние классы формируют закрытые социальные среды, низшие – фрагментируются.

Тему ценностей индивидуализма/коллективизма в российском обществе продолжило выступление Н. С. Ворониной о модификации методики Г. Триандиса [5]. В исследовательском дискурсе отсутствует консенсусное определение таких ценностей, а существующие методики измерения в кросс-культурном и межкультурном контекстах различаются как по концептуальным основаниям, так и по способу измерения (от дихотомии до континуума, от одномерности до многомерности) [6]. Выбор методики Триандиса для измерения ценностей индивидуализма/коллективизма в исследовании социальной структуры был обусловлен многомерностью: ценности измеряются в пространстве вертикальных и горизонтальных социальных отношений. Необходимость модификации методики связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, существует проблема эквивалентности смыслов,

которая появляется при переводе с языка автора на язык того общества, где проводится исследование. Во-вторых, есть проблема «старения» методики, связанная с теми изменениями, которые претерпевает общество от момента её создания до применения в конкретном исследовании. При модификации методики учитывался баланс между соответствием изначальным формулировкам Триандиса и доступностью для понимания в российском культурном поле. Высокое соответствие модели измерения ценностей эмпирическим данным было подтверждено на результатах конфирматорного факторного анализа, проведённого на данных опроса 2024 года. Средние оценки согласия с суждениями показали, что наиболее распространёнными на сегодняшний день являются ценности горизонтального коллективизма (общие цели с ин-группой), менее всего – вертикального индивидуализма, отражающие стремление к высокому статусу и конкуренции.

Изменения в сфере труда и занятости

В исследовании профессиональная автономия определялась как самостоятельность в работе и измерялась в трёх аспектах: 1) самостоятельность в принятии решений; 2) самостоятельность в содержании работы (возможность определять характер услуги или продукта); 3) самостоятельность в организации работы. Как показал доклад И. П. Поповой, многомерность измерения автономии проявляется в нелинейной связи с профессионально-должностным статусом. Самостоятельность в содержании свойственна тем профессиональным группам, работа которых требует высокого уровня квалификации: руководителям, специалистам и квалифицированным рабочим в промышленности. При этом оценка самостоятельности в организации работы в группе квалифицированных рабочих существенно ниже, чем среди руководителей. Оценки самостоятельности варьируются в зависимости от отрасли экономики, формы собственности организации, а также условий найма и оплаты труда. Субъективные оценки самостоятельности зависят от возраста (большая самостоятельность свойственна молодёжи) и личностных установок на возможность изменения собственной жизни. Ключевой находкой стала U-образная динамика показателей автономии с 1998 по 2024 гг.: показатели последней волны исследования сближаются с результатами 1998 года, но контрастируют с промежуточными значениями 2007 и 2015 гг. Снижение доли респондентов, определяющих себя как самостоятельных в работе, сопровождается увеличением доли затруднившихся с ответом, что может свидетельствовать об изменившейся реальности рынка труда: в условиях общей неопределённости в трудовой сфере работникам сложно оценить степень собственной самостоятельности.

Дополнительное измерение автономии представила А. С. Смирнова в докладе, посвящённом осмысленности работы в контексте классового анализа. В социально-психологической традиции осмысленность труда рассматривается как «степень, в которой наёмный работник ощущает свою работу как в общем осмысленную, значимую и стоящую того, чтобы ею заниматься» [7, р. 162]. Модель Дж. Хакмена и Г. Р. Олдхэма связывает осмысленную работу

с её характеристиками, а также с качеством взаимодействия в рабочем коллективе и отношениями с руководством. Данные опроса 2024 года показывают отсутствие связи между восприятием осмысленности работы и характером коммуникации в трудовом процессе и тем самым опровергают положения социально-психологической школы. При этом существуют классовые различия: мелкие предприниматели значимо реже наёмных работников ощущают «потерю смысла» в работе. Среди наёмных работников классовых различий не обнаружено. Проверка гипотезы о связи осмысленности работы с уровнем автономии (контроль рабочего времени) и самостоятельности (контроль содержания и результатов работы) показала, что чем выше их уровень, тем реже случается «потеря смысла» работы. Этот результат совпадает с данными, которые приводят Хакмен и Олдхэм, где автономия коррелирует с переживанием осмысленности работы ($r = 0,46$), хотя их теоретическая модель не предполагает такой связи [7, р. 167]. Таким образом, исследование выявило парадокс: при высоких показателях автономии и самостоятельности оценки осмысленности работы среди руководителей значимо не отличаются от других групп наёмных работников.

Восполняя пробел в исследованиях трансформации рынка вакансий в России за последние десятилетия, С. А. Коротаев проанализировал данные исследования с 1998 по 2024 гг. В обширной литературе по стратегиям поиска работы рассматриваются преимущества формальных и неформальных связей, а также факторов, определяющих выбор канала поиска. Гипотеза, что предпочтение тех или иных каналов поиска работы зависит от структуры локального рынка труда, была проверена в модели, включающей характеристики муниципалитетов (численность населения, доля городских и сельских жителей), и показала отсутствие эффектов. Вопреки принятым в литературе выводам о связи квалификации с использованием слабых связей, наличие высшего образования снижает вероятность обращения к обоим типам неформальных каналов – как родственным, так и дружеским. В целом их популярность со временем снижается, причём в крупных городах это происходит быстрее, чем в малых. Анализ также выявил вариативность обращения к дружеским и родственным связям в зависимости от возраста: к дружеским контактам чаще прибегают в зрелом возрасте, для молодых важнее родственные связи. Дальнейший анализ может строиться с учётом классовой и отраслевой дифференциации соискателей, а также активности работодателей на рынке труда.

Пространственное измерение социальной структуры

Концептуализация переезда как события индивидуальной биографии и как отражения миграционной динамики позволяет анализировать не только его субъективные оценки, но и вклад в изменение социальной структуры. А. В. Стрельникова представила анализ субъективных смыслов переездов, проведённый на основе количественных данных 2015 и 2024 гг. и материалов глубинных интервью 2025 года.

Количественные данные показывают, что большинство россиян маломобильно: почти половина опрошенных ни разу не переезжали в течение своей жизни, остальные совершали от одного до трёх переездов. Внутрироссийские переезды за пределы и в пределах населённых пунктов практически равнозначны для опрошенных, в то время как переезды в другую страну оценивались респондентами как менее значимые. Социально-демографические паттерны, как и причины переездов за последние 10 лет существенно не поменялись. Наиболее важные в индивидуальной биографии переезды происходят до 23 лет включительно, в основном в связи с получением образования. Опыт переездов сказывается на установках относительно будущего. «Мобильные» респонденты (т. е. с опытом переезда) демонстрируют более высокий уровень социального пессимизма, неуверенности в завтрашнем дне, чем «немобильные» (без опыта переезда). Отсутствие веры в улучшение собственного материального положения и повышение социального статуса сочетается у «мобильных» с открытостью к изменениям в жизни и стремлением к профессиональной автономии.

Субъективные смыслы переездов группируются вокруг четырёх оснований. Во-первых, информанты описывают пространственные перемещения либо в логике планов, либо в логике обстоятельств, которые соотносятся с высокой или низкой оценкой собственной агентности. Во-вторых, информанты сопоставляют потенциал переезда с его результатами, оценивая степень реализации собственных ожиданий. В-третьих, производится сравнение собственного статуса со статусом ближайшего окружения. Наконец, происходит переоценка статуса жилища. В последнем аспекте следует отметить межпоколенческие различия: если для старшего поколения наличие собственного жилья часто связывается с успехом в жизни, то информанты младшего возраста чаще воспринимают его как уже «данный» жилищный капитал. Таким образом, анализ данных о переездах на уровне субъективных смыслов позволяет выявить поворотные моменты в структуре жизненных траекторий и установить влияние географического вектора мобильности на различные события жизни.

Большую роль в формировании современного облика малых городов в России сыграла советская система городского планирования, опиравшаяся на плановую экономику и систему распределения после получения профессионального образования. Пик численности населения малых городов пришёлся на вторую половину 1980-х гг., что зафиксировала всесоюзная перепись населения 1989 года [8, с. 27]. В связи с устойчивым оттоком населения из малых городов исследовательский интерес представляют ситуации возвращения или переезда индивидов в такие населённые пункты. В докладе К. Н. Коломиной возвратная мобильность рассматривается с точки зрения как запланированных переездов, так и совершённых в силу различных внешних обстоятельств, как правило, связанных с неудачами на новом месте. Такие переезды происходят при наличии в малом городе социального капитала, прежде всего, семьи индивида. Значение имеют как внутрисемейные отношения и связи между близкими родственниками, так и располагаемое семьёй имущество. Другой

распространённой причиной переезда в малый город становится работа, полученная в результате распределения. Возможны также переезды в результате трансформативного опыта, пережитого в ходе командировки или реализации проекта в малом городе. Важную роль при этом играют пространственные характеристики принимающей территории: природные и видовые объекты, формирующие чувство уникальности данного места. Иными словами, возвратная мобильность связана не только с индивидуальными биографиями, но и с институтами воспроизводства социальной структуры (в первую очередь, семьи, собственности и профессионального распределения).

Аффективным измерением пространственной мобильности выступает ностальгия. Исторически ностальгия рассматривалась как заболевание «мобильных» индивидов, разлучённых с родным домом. В XX веке в результате поворота к темпоральному измерению ностальгия определяется как «социальная эмоция» – чувство тоски по прошлому. Множественность темпоральных измерений (от индивидуальной биографии до «ушедшей эпохи»), а также амбивалентность эмоционального содержания привели к размыванию понятийных границ и использованию ностальгии, прежде всего, как метафоры. В докладе А. Д. Старовойтенко была представлена концептуальная модель, позволяющая вернуть понятию аналитичность через пространственное измерение.

В этой модели ностальгия определяется как совокупность аффективно нагруженных практик, ориентированных на переживание изменения конфигурации социального пространства. Такой подход опирается на двойственное понимание пространства в социологии как социально организованного физического пространства и как порядка социальных позиций. Атрибутам первого измерения соответствуют «ностальгические объекты» – материальные артефакты, становящиеся объектами-«триггерами» ностальгических переживаний. Вслед за зиммелевским пониманием места как «точки вращения» [9, S. 632–635] ностальгическое место понимается как территория в физическом пространстве, которая была центром кристаллизации более не актуальных для индивида социальных связей и практик. Вместе с тем второе измерение представляет собой социально производимые смыслы и позиции, на которые указывают объекты и места, расположенные в физическом пространстве. Таким образом, анализ ностальгии через пространственное измерение позволяет связать индивидуальные переживания с трансформацией социального пространства и выявить, как структурные изменения преломляются в аффективных реакциях на утрату прежних территориальных привязанностей.

В качестве заключения отметим, что методология многомерного анализа социальной структуры (двухуровневая модель роли среднего класса, многомерная модель Триандиса, три измерения автономии, двухуровневая концептуализация переездов) позволила выявить противоречивость и нелинейность влияния структурных позиций: культурную гегемонию ценностей среднего класса при его численном меньшинстве, социальный пессимизм респондентов, имевших опыт переезда, при их большей открытости к изменениям, парадоксальную

роль образования в формировании слабых связей при поиске работы. Семинар также дал возможность обсудить методологические ограничения исследования, к которым относятся операционализация понятий (границы «интеллигенции», полисемия «дружбы», метафоричность ностальгии), ограничения измерительных инструментов (например, выбор потери смысла в работе вместо отсутствия или наличия), а также интерпретация динамики (причины увеличения доли затруднившихся с ответом при ответе на вопрос о самостоятельности в работе).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. *Wright E. O.* Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 576 p. ISBN 978-0-521-55646-0.
2. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. 700 с. ISBN 5-7357-0046-4. [Manheim K. *Diagnosis of our Time (Diagnoz nashego vremeni)*]. Moscow: Yurist; 1994. 700 p. (In Russ.). ISBN 5-7357-0046-4.
3. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 т. М. ; СПб : Университетская книга, 2001. Т. 1. 332 с., Т. 2. 382 с. ISBN 5-94483-011-5 – Т. 1, ISBN 5-94483-008-5 – Т. 2. [Elias N. *On the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic research (O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psixogeneticheskie issledovaniya)*. In 2 vol. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga; 2001. Vol. 1. 332 p., Vol. 2. 382 p. (In Russ.). ISBN 5-94483-011-5 – Vol. 1. ISBN 5-94483-008-5 – Vol. 2].
4. *Rose D., Harrison E.* The European Socio-economic Classification: A New Social Class Schema for Comparative European Research // *European Societies*. 2007. Vol. 9, № 3. P. 459–490. DOI [10.1080/14616690701336518](https://doi.org/10.1080/14616690701336518).
5. *Triandis H. C., Gelfand M. J.* Converging Measurement of Horizontal and Vertical Individualism and Collectivism // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 74, № 1. P. 118–128. DOI [10.1037/0022-3514.74.1.118](https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.1.118). EDN [YDFSXM](https://www.edn.ru/10.1037/0022-3514.74.1.118).
6. *Воронина Н. С.* Сравнение ценностей индивидуализма/коллективизма среди россиян и жителей других европейских стран (на основе данных Европейского социального исследования) // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Современные подходы к изучению социальной структуры современного российского общества. 2024. № 2. С. 114–141. DOI [10.19181/INAB.2024.2.8](https://doi.org/10.19181/INAB.2024.2.8). EDN [TFXEAI](https://www.edn.ru/10.19181/INAB.2024.2.8). [Voronina N. S. *Comparison of the values of individualism/collectivism among Russians and residents of other European countries (based on data from the European Social Research)*. In: *Information and Analytical Bulletin (INAB). Modern approaches to the study of the social structure of modern Russian society*. 2024. Issu 2. P. 114–141. DOI [10.19181/INAB.2024.2.8](https://doi.org/10.19181/INAB.2024.2.8)].
7. *Hackman J. R., Oldham G. R.* Development of the Job Diagnostic Survey // *Journal of Applied Psychology*. 1975. Vol. 60, № 2. P. 159–170. DOI [10.1037/h0076546](https://doi.org/10.1037/h0076546).
8. *Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.* / Госкомстат СССР. М. : Финансы и статистика, 1990. 45 с. ISBN 5-279-00665-3. [Population of the USSR: According to the All-Union population census of 1989. Goskomstat of the USSR (Naselenie SSSR: po dannym Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1989 g. / Goskomstat SSSR). Moscow: Finansy i statistika; 1990. 45 p. (In Rus.). ISBN 5-279-00665-3].
9. *Simmel G.* Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1908. 800 s.

Сведения об авторах

Ю. Б. Епихина

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: 2622-6344

А. Д. Старовойтенко

младший научный сотрудник
SPIN-код: 8508-1145

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026;
принята к публикации 05.03.2026.

Brief scientific information

DOI 10.19181/snsp.2026.14.1.7.

POST-SOVIET SOCIETY SOCIAL STRUCTURE DYNAMICS 1998–2024: MASS SURVEY OUTCOMES DISCUSSION

Yulia Borisovna Epikhina¹

Andrey Dmitrievich Starovoytenko²

^{1,2} Insitute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

¹ epikhina@gmail.com,

ORCID 0000-0003-2822-2505

² andstar14@gmail.com,

ORCID 0000-0002-1225-1822

For citation: Epikhina Y. B., Starovoytenko A. D. Post-soviet society social structure dynamics 1998–2024: mass survey outcomes discussion. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(1):151–160. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2026.14.1.7.

Abstract. Long-term studies of social structure face a dilemma between preserving the heuristic value of the original research program and transforming it in response to ongoing changes. The application of a multidimensional approach to analyzing class structure, labor relations, and spatial mobility revealed the contradictory and nonlinear influence of structural positions on values and life strategies. The discussion identified methodological limitations related to the operationalization of concepts, measurement instruments, and interpretation of indicator dynamics.

Keywords: middle class, social structure, permeability of class boundaries, values, spatial mobility, professional autonomy, independence in work, meaningfulness of work, methodology

Acknowledgments: the review was prepared with the support of the Russian Science Foundation (grant No. 24-18-00450, project website <https://new-inequalities.tilda.ws/structure>, TG channel <https://t.me/socstructure>).

Information about the Authors

Y. B. Epikhina

Candidate in Sociology,
Leading Researcher

A. D. Starovoytenko

Junior research associate

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 05.03.2026.